

Иван Прощеряков

ВОИНА КАРНИДЫЧА

Фронтовые дороги.
Братство.
Испытание войной
и судьбой.

СТАЛИНГРАД

РОСТОВ

БУХТАРМА

ИРТЫШ

МОЛДИ

Иван Прощеряков
Война Карнилыча

«Автор»

2026

Прощеряков И.

Война Карнилыча / И. Прощеряков — «Автор», 2026

Ранним летом 1941 года размеренная жизнь сибирского села Бухтарма заканчивается вместе с первым военным призывом. Шофёр Карнилыч, привыкший к дорогам, тяжёлой работе и вечным скитаниям, оставляет дома жену и маленькую дочь и отправляется на фронт. В переполненном эшелоне судьба неожиданно сводит его с родным братом Николаем, которого он не видел долгие годы. Вместе они попадают в автомобильный полк, получают новые ЗИСы и уходят в бесконечные фронтовые рейсы — по степным дорогам, под перегруженными кузовами, сквозь жару, страх и неизвестность. Но война оказывается совсем не такой, какой её представляли в тылу. Переодетые диверсанты, внезапные засады, ночные перестрелки и постоянная близость смерти быстро превращают обычных деревенских шофёров в людей, от которых зависят грузы, жизни и судьбы других солдат. Это история о фронтовых дорогах, братстве, памяти о родном доме и о людях, которые держали войну на своих плечах — без громких подвигов, но с ежедневным мужеством.

© Прощеряков И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Иван Прощеряков

Война Карнилыча

Глава 1

Посвящается моему отцу
Иван Прощеряков

Над Иртышом стоял холодный утренний туман. Вода несла серые льдины, а за рекой темнели каменные хребты Алтая — суровые, молчаливые, будто сами сторожили границу мира. Весной 1720 года сюда пришёл отряд майора Ивана Лихарева. Люди были измотаны долгим походом: кони худые, сапоги стёртые, порох отсырел от бесконечных дождей. Но когда они увидели место, где бурная Ульба впадала в широкий Иртыш, даже самые усталые поняли — здесь будет стоять крепость.

Ночью у костров говорили о джунгарах, о золоте в горах и о царском приказе идти всё дальше на восток. Солдаты ворчали, казаки точили сабли, а проводники из местных степей молча смотрели на тёмные вершины. Алтай тогда казался почти сказочной землёй — богатой, опасной и чужой.

Сначала построили деревянные стены. Рубили лес на берегу, ставили башни, копали рвы. Земля была каменистой, тяжёлой. Люди мёрзли даже летом: с гор тянуло ледяным ветром. Но крепость росла день за днём. Её называли Усть-Каменной — там, где река выходит из каменных гор.

По вечерам над рекой поднимался дым печей. Женщины варили похлёбку, дети бегали между брёвнами, казаки чинили лодки. Постепенно вокруг крепости появились дома ремесленников, склады, маленький рынок. Через Иртыш шли караваны: кто-то вёз меха из Сибири, кто-то чай и ткани из Китая, а кто-то — слухи. О войнах, о новых царях, о людях, которых ссылали всё дальше, к самому краю империи.

Годы шли, и крепость переставала быть только военным форпостом. Она становилась городом.

Летом улицы тонули в пыли, зимой — в снегу по колено. Купцы строили лавки, у пристаней гудели баржи, на базаре смешивались русская речь, казахская, татарская. Степные кочевники приезжали менять скот на железо и муку. Вечерами в трактирах спорили о политике, золоте Алтая и цене на зерно.

К XIX веку Усть-Каменогорск уже жил своей жизнью. Здесь рождались дети, венчались в церквях, хоронили стариков на ветреных кладбищах у реки. Сюда ссылали учёных, учителей, людей с опасными для империи мыслями. Некоторые из них открывали школы, учили детей грамоте, собирали легенды местных народов и писали книги об Алтае.

Но настоящий гул пришёл в город позже — в XX веке.

Сначала революция. Потом война.

Когда Великая Отечественная охватила страну, Усть-Каменогорск стал одним из тех далёких городов, куда эвакуировали заводы. По железной дороге приходили эшелоны с оборудованием, ранеными, женщинами и детьми. Ночами над Иртышом звенели молоты. Люди работали без сна, строили цеха прямо среди степного холода. Город наполнился дымом плавильных печей и красным светом заводских труб.

После войны он уже не был тихим приграничным городком. Он стал индустриальным гигантом. Здесь плавил свинец, цинк, титан. По улицам шли трамваи, строились широкие

проспекты, дома культуры, кинотеатры. Молодёжь приезжала со всего Союза — кто за работой, кто за романтикой далёкого Алтая.

И всё же старый Иртыш оставался прежним.

Он так же шумел у берегов весной, так же нёс холодную воду мимо старых кварталов и заводских районов. Вечерами над городом поднимался дым, а за ним — всё те же каменные горы, которые когда-то увидели люди Лихарева.

Они стояли неподвижно, будто помнили всё: и первую крепость из сырых брёвен, и караваны на пыльных дорогах, и огонь военных заводов, и тысячи человеческих судеб, сплетённых у слияния двух рек.

Глава 2

Село Бухтарма, основанное ещё в далёкие петровские времена капитаном Лихаревым с ватагой казаков, стояло на слиянии Иртыша и Бухтармы. Искали казаки место для форпоста на Иртыше, поднимались по Чёрному Иртышу почти до самого Китая, но подходящего места не нашли. Тогда спустились обратно до стрелки — так называли место, где две реки сходятся под углом, — и основали здесь селение. А сами пошли дальше вниз по Иртышу.

В этом селении жил Карнилыч, тридцати трёх лет от роду. Жил он семьёй: жена да годовалая дочка. Работал на мельнице, достаток имелся, не бедствовали. Так бы и жил дальше, если бы не пришёл сорок первый год.

На второй день после начала войны принесли повестку: явиться в военкомат с вещами.

Так для Карнилыча началась война.

Сбор назначили у сельсовета. Из села собрали сорок мужиков и двух женщин: одну связистку и одну врачиху. К полудню подали машины, рассадили всех по трём полуторкам, женщин сопровождающий посадил с собой в «эмку», и колонна двинулась в Усть-Каменогорск.

У военкомата уже толпился народ — около тысячи человек, и люди всё прибывали. Новобранцев переписывали, проводили медосмотр и отправляли на вокзал. Там стоял длинный эшелон, который заполняли по мере прибытия людей.

В одном из вагонов работала кухня, еду разносили по составу в термосах. Эшелон наполнялся почти двое суток, и только потом поезд тронулся.

Шёл он медленно, часто пропуская составы с военными грузами. Иногда стояли по целым суткам.

На одной из таких остановок Карнилыч неожиданно встретил своего родного брата, которого не видел уже лет десять — с тех самых пор, как тот уехал из родного села.

Увидел его издали и рванул через пути, крича:

— Николай!

Тот обернулся, замер на мгновение и тоже бросился навстречу.

Они обнялись крепко, по-мужицки, долго молчали, разглядывая друг друга, словно не веря, что смогли встретиться здесь, среди войны, эшелонов и чужих людей. Николай всё трогал брата за плечи, будто хотел убедиться, что тот настоящий.

— Иван, как ты сюда попал? Где ты столько лет был? Почему даже весточки не прислал?

Карнилыч тяжело выдохнул:

— Ты скажи лучше, как родители? Что с сыном моим? Как вы там все? Слушай... пойдём к старшему, попросимся в один вагон. А то раскидают по разным частям — и не увидимся больше.

Они направились в штабной вагон. Рассказали начальнику эшелона, что родные братья, давно не виделись и хотят ехать вместе.

Тот выслушал и спросил:

— Кто по профессии?

— Шофёры, — ответили оба.

— Это хорошо. Сейчас распоряжусь перевести вас в седьмой вагон. Там набор в автомобильный полк идёт. Пригодитесь.

Братья разошлись за вещами, а потом встретились у седьмого вагона. Старший вагона внёс их в списки и определил на места.

Всю дорогу они не могли наговориться.

Вспоминали родителей, детство, родное село, друзей. Вспоминали, как лазили по чужим огородам, как дед Матвей ловил их и драл крапивой по голым задницам.

Николай говорил тихо, с какой-то усталостью:

— Ждали тебя родители... Всё надеялись, что приедешь хоть разок, перед смертью увидеть хотели. Да так и не дождалось. Братья разъехались кто куда, писем почти не шлют. Сёстры тоже замуж повыскакивали, по чужим краям живут. В родительском доме только я остался.

Помолчал и добавил:

— Жена твоя с сыном живёт. Замуж так и не вышла. Генка уже большой стал, на тебя похожий. Такой же неторопливый. Часто к нам прибегает с моими играть.

Карнилыч молча слушал, опустив голову.

— Колхоз совсем захирел, — продолжал Николай. — Раньше в каждом дворе коровы да лошади были, а сейчас дворы пустые стоят. Молодёжь в города уезжает учиться — и назад не возвращается. Село стариками живёт. Нас на войну всего десяток мужиков набрали, больше и брать некого.

Потом посмотрел на брата:

— А ты как? Всё мотаешься по свету? Не осел нигде?

Карнилыч усмехнулся уголком губ.

— Семья есть... Только будто чего-то мне в жизни не хватает. Приживусь вроде на месте, всё хорошо — и люди уважают, и работа есть, а всё равно тянет куда-то. Будто сила какая внутри не даёт на месте сидеть. Так и таскаю семью за собой.

Немного помолчал и тихо сказал:

— В тридцать восьмом сын родился, да младенцем помер. Сейчас вот дочке год всего... А меня забрали. Не знаю, как жена справляться будет. Хорошо хоть родня рядом.

Он поднял глаза на Николая.

— Хорошо, что тебя встретил. Теперь вместе служить будем. Не дадим себя разлучить.

Мужики, слышавшие их разговоры, постепенно подсаживались ближе. Один за другим начинали рассказывать о себе: про жён, детей, хозяйство, про свою жизнь.

Этими разговорами вагон будто становился одной семьёй. Люди раскрывались друг перед другом, искали поддержки перед неизвестностью, которая ждала впереди.

До Куйбышева добрались через несколько недель. Там эшелон начали расформировывать, распределяя вагоны по разным направлениям. Основная часть состава ушла на Москву.

Седьмой вагон вместе с пассажирами отправили в Саратов. Там уже формировали автомобильный полк и ждали пополнение шофёров.

Так братья попали в один полк, в один батальон и в одну роту.

Взводов почти не было — машины и людей постоянно отправляли в разные стороны. Их служба состояла из бесконечных дорог: возили грузы по городам, станциям и фронтам, всё ближе и ближе подъезжая к войне.

Глава 3

Обучать новобранцев почти не пришлось. Большинство прибывших шофёров своё дело знали крепко, за плечами у каждого были тысячи километров просёлочных дорог, зимников, степных трактов и разбитых переправ. Многие ещё до войны возили хлеб, лес, руду, скот, работали на стройках и в колхозах, поэтому армейская техника не казалась им чем-то особенным. Только тех, кого направили в дивизион «катюш», забрали на отдельное обучение, остальных же почти сразу распределили по машинам и рейсам.

Через неделю братья получили новые ЗИС-5. Машины ещё пахли заводской краской и горячим металлом, а деревянные борта кузова были гладкими, будто только вчера вышли из столярного цеха. Старшим в паре назначили Николая, потому что он окончил семилетку и умел читать карты. Иван к этому относился спокойно — брат был рассудительнее и лучше разбирался в бумагах.

Первый рейс оказался недалёким — в Сталинград. Нужно было отвезти продукты на армейские склады. Дорога шла хорошая, сухая, укатанная, без глубоких выбоин и грязи, и к вечеру того же дня они уже въезжали в город.

Разгрузились быстро. Солдаты на складе работали сноровисто, мешки и ящики словно сами слетали с кузова. Когда последняя накладная была подписана, начальник склада сказал, чтобы они оставались до утра: ночью им предстояло взять обратный груз.

Оставив машины у складов, братья решили немного пройтись по Сталинграду. Город раскинулся на двух берегах Волги. На правом берегу тянулись частные домики с огородами и садами, стояли заводские трубы, мастерские, склады и небольшие предприятия. Левый берег казался более широким и шумным. Между берегами ходили два парома: пока один подходил к правому берегу, другой уже отходил к левому.

Переpravляться братья не стали. Зашли в первый попавшийся магазин, купили бутылку водки, хлеба, колбасы, несколько банок консервов и отправились обратно. Дальше гулять не рискнули — кто-то из местных предупредил, что ночью по улицам ходят патрули и могут задерживать без документов.

Устроившись возле машин, они разложили еду прямо в кабине. Николай достал гранёные стаканы, налил по сто граммов.

— За встречу, — тихо сказал он.

Выпили, закусили, потом ещё налили. Разговоры потекли спокойнее, теплее. Но усталость от дороги навалилась сразу.

Иван расстелил в кузове брезент, который шёл вместе с машиной, и братья, завернувшись в него, уснули прямо под открытым небом.

Проснулись они на рассвете от того, что кто-то настойчиво дёргал дверцу кабины. Иван выглянул из кузова и увидел рабочего в замасленной робе.

— Вас начальство требует, — сказал тот.

Братья быстро спрыгнули вниз и пошли за ним.

Начальник склада оказался полным коротышкой с круглым потным лицом. Несмотря на утреннюю прохладу, с него градом катился пот, а говорил он неожиданно высоким, почти женским голосом.

— Поедете на левый берег, на тракторный завод. Там загрузитесь. На месте скажут, куда везти.

Переpravившись на пароме, братья нашли тракторный завод. У проходной уже стояло несколько машин, но все гражданские. Военные ЗИСы пропустили без очереди.

Грузить начали сразу.

В кузова таскали тяжёлые деревянные ящики, обитые железной лентой. Когда один из грузчиков случайно уронил ящик, внутри глухо звякнул металл.

— Снаряды, — понял Николай.

Грузили без меры. Ящики ложились ряд за рядом, пока рессоры не выгнулись в обратную сторону.

— Да вы что творите? — не выдержал Иван. — Тут тонн пять, не меньше! Машины не выдержат!

Кладовщик только махнул рукой:

— Выдержат. Дорога хорошая. Всех так грузим — и ничего.

— Куда везти-то?

— В Ростов. Армейские склады у въезда в город. На перекрёстке регулировщик стоит — покажет дорогу. Карты и документы получите у кладовщика.

Тронулись тяжело. Перегруженные машины будто нехотя сдвинулись с места. Двигатели натужно ревели, передачи приходилось переключать осторожно, чтобы не сорвать коробку.

На военной заправке им залили полные баки и выдали по две двадцатилитровые канистры бензина. Недалеко от переправы началась дорога на Ростов — длинная, ровная степная лента без серьёзных подъёмов.

У переднего борта кузова стояли два ведра воды, обвязанные брезентом, чтобы не расплёскивались на кочках. Через каждые несколько километров братья останавливались, проверяли воду в радиаторе, открывали капот, остужали двигатель и снова трогались.

Жара стояла тяжёлая. Воздух над степью дрожал, пыль липла к лицу и рукам, моторы раскалялись от перегруза. Скорость была маленькой, и к вечеру они прошли лишь половину пути.

Остановились у обочины поужинать.

— Днём дальше не пойдём, — сказал Николай, вытирая пот. — Ночью прохладнее будет.

Выехали с вечерней зарёй. И действительно, машина сразу пошла легче. А когда совсем стемнело, ЗИСы будто покатались сами. Моторы работали ровно, не перегреваясь.

Под утро, когда до Ростова оставалось совсем немного, впереди из темноты показался патруль.

Николай остановил машину.

Иван, не говоря ни слова, вытащил карабин из-за сиденья, передёрнул затвор и тихо выбрался с другой стороны кабины.

Стоя у борта, он услышал рядом немецкую речь.

Сердце ударило тяжело и холодно.

Пригибаясь, Иван осторожно двинулся вдоль кузова и увидел спину патрульного. Из-под советского кителя у того выглядывал ворот немецкого мундира.

Подкравшись вплотную, Иван ударил прикладом по голове стоявшего впереди машины немца, а затем почти в упор выстрелил во второго, разговаривавшего с Николаем.

Николай стоял ошеломлённый, ничего не понимая.

— За руль! — резко бросил Иван. — Езжай вперёд! И карабин достань!

Он не хотел, чтобы брат оказался рядом, если начнётся стрельба.

Ночь помогала ему. Впереди вдруг щёлкнула зажигалка — кто-то прикуривал. Иван мгновенно вскинул карабин и выстрелил прямо в огонёк.

Послышался топот.

Он успел передёрнуть затвор и снова выстрелил уже на звук. Раздался короткий вскрик и тяжёлое падение тела.

Через несколько минут вернулся Николай. Увидев, что Иван жив, он выдохнул с облегчением.

Иван тем временем уже стаскивал с убитых советскую форму. Под ней оказались немецкие мундиры.

— Переодетые, — тихо сказал Николай.

Они быстро собрали тела, забросили их в кузов прямо поверх ящиков со снарядами и снова тронулись в путь.

Утром добрались до перекрёстка у Ростова. На дороге стояла молодая девушка-регуловщица с жезлом в руке. Лицо у неё было совсем юное, почти девичье.

Николай вежливо показал документы:

— Армейские склады где?

Девушка улыбнулась и указала жезлом направление.

Через полкилометра машины упёрлись в ворота складов. У проходной стоял часовой. Увидев грузовики, он нажал кнопку вызова, и из большого складского здания вышли двое военных.

Братья одновременно взяли карабины и, загнав патроны в патронники, выбрались из кабин.

Подходя к воротам, Иван заметил во дворе два немецких мотоцикла.

«Даже спрятать толком не успели» — подумал Иван.

Рядом с проходной виднелся солдатский сапог.

Выстрелы братьев прозвучали одновременно. Оба идущих упали почти сразу.

Часового у проходной они успели взять живым.

Внутри нашли немецкий автомат — шмайсер. В этот момент из двери склада выскочили ещё двое с автоматами наперевес.

Снова ударили два карабина. Немцы рухнули на землю. Судя по мотоциклам, оставалось ещё двое.

Связанный немец, лежавший в углу проходной с кляпом во рту, отчаянно мычал и пытался что-то показать глазами в сторону склада.

Глава 4

Иван подошёл к связанному немцу и резким движением выдернул кляп изо рта. Тот сразу заговорил быстро и сбивчиво на немецком, испуганно вращая глазами, потом, поняв, что перед ним русские, перешёл на ломаный русский язык:

— Я не хотель... Он там! Он там! — затараторил немец, показывая рукой в сторону склада.

— Сколько вас было? — холодно спросил Иван, держа карабин у самого лица пленного. — Говори правду, живой будешь. Соврёшь — пристрелим.

Немец поднял дрожащую руку и показал шесть пальцев.

— Шесть... Он там! Я не зналь, он там!

Иван оглянулся на брата.

— Может, развяжем его и отправим внутрь? Пусть уговорит того сдать.

Николай только хмыкнул:

— Ты ещё пожалей его. Там автоматы лежат. Дашь ему свободу — и уже двое по нам стрелять будут. Нет уж, лучше я сам этого фрица вытащу.

Иван снова заткнул пленному рот и затянул кляп покрепче. Николай тем временем вошёл в комнату караульных. Через минуту раздался звон выбитого стекла. Он вылез наружу туда, где стояли немецкие мотоциклы, и сразу начал осматривать трофеи.

С люльки первого мотоцикла снял пулемёт и осторожно передал Ивану через окно. Затем снял второй. В карманах люлек лежали гранаты, запасные диски, подсумки с патронами.

— Пригодится, — пробормотал Николай, распахивая гранаты по карманам гимнастёрки.

С карабином в руках он двинулся вдоль стены склада, прижимаясь к кирпичной кладке. Иван держал под прицелом дверь и одновременно следил за огромными воротами в глубине склада, где в любой момент мог появиться немец.

Подойдя к двери, Николай прикладом сильно ударил по ней.

Изнутри сразу закричали несколько голосов:

— Мы здесь! Он ушёл в склад! Там где-то прячется!

Николай резко рванул дверь на себя и мгновенно ушёл за стену.

Из глубины склада ударила автоматная очередь. Пули со свистом прошли через дверной проём, несколько впились в дверь, выбивая щепки.

Николай тут же выстрелил в ответ.

— Вы там живы? — крикнул он.

— Мы связаны! — донеслось изнутри. — Он нас держит на мушке!

— Развязаться не пробовали? Где он?

— Где-то внутри... Между ящиками!

— Что за склад? Телефон есть?

— Склад пустой! Мы уборкой занимались! Телефон есть, только в другой комнате, за углом... Осторожнее, немец бешеный!

В этот момент со стороны дороги донёсся шум мотора.

Николай жестом показал Ивану проверить, кто подъехал.

Иван осторожно выглянул наружу и увидел крытый брезентом ЗИС-5. В кабине сидели офицер и солдат. Машина остановилась за их грузовиками, даже не подозревая, что в кузовах лежат тонны снарядов.

Из-за машин кто-то начал осторожно пробираться к складу.

Иван чуть приоткрыл дверь проходной и негромко сказал:

— Кто там ползает? Выходи, а то сейчас пулю получишь и будешь совсем мёртвый, как эти фашисты.

Из-за машины донёсся настороженный голос:

— А ты кто такой? Почему здесь?

— Сначала сам скажи, кто ты.

Наступила короткая пауза.

— Ладно... выхожу. Лейтенант Боровицкий, СМЕРШ.

— Оружие бросай вперёд и выходи с поднятыми руками.

— Да ты, я смотрю, серьёзный человек, — усмехнулся голос.

На капот машины лег пистолет, и из-за грузовика вышел молодой лейтенант.

— Теперь иди вдоль забора, не попадай в створ ворот, а то немец тебя снимет.

Лейтенант быстро пригнулся и перебежал к забору.

— Теперь ко мне!

Боровицкий рванул к проходной.

В ту же секунду из глубины склада ударила автоматная очередь.

Следом почти сразу прозвучал выстрел Николая.

Потом наступила тишина.

Через несколько минут из склада начали выходить люди — измученные, со связанными руками, грязные и перепуганные.

Оказалось, Николай дождался, когда немец снова откроет огонь, вычислил его по вспышке автомата и уложил одним выстрелом.

Лейтенант, войдя во двор, остановился как вкопанный. Вокруг лежали тела немецких солдат, а в кузове грузовика поверх ящиков со снарядами виднелись ещё несколько трупов в немецкой форме.

— Это всё... вы? — ошарашенно спросил он.

Николай спокойно пожал плечами:

— Хочешь жить — умей вертеться.

Боровицкий медленно покачал головой.

— А вы вообще как сюда попали?

— Нам сказали, что на перекрёстке регулировщица будет стоять, дорогу покажет, — ответил Николай. — Там девушка молодая стояла, сюда и направила.

Лейтенант тяжело вздохнул.

— Регулировщицу убили ещё ночью. В стороне от дороги лежала... Видно, вас сама судьба сюда привела.

Потом он кивнул в сторону кузова:

— А этих где взяли?

— Километрах в пяти отсюда. Там ещё немецкий мотоцикл должен стоять.

— Сейчас отправлю людей проверить. И этих забрать надо.

Он подошёл к своей машине, высадил солдат и быстро отдал распоряжения. Через несколько минут ЗИС с бойцами уже уходил обратно по дороге.

Сам Боровицкий вернулся к братьям и забрался в кабину Николая.

— Поехали. Покажу, куда разгружаться. А потом в штаб сходим. Пусть начальство посмотрит, какие у нас шофёры появились.

На армейском складе машины поставили под разгрузку. Солдаты осторожно снимали ящики со снарядами, а братья наконец смогли немного перевести дух.

В штабе их встретили настороженно, но когда Боровицкий рассказал, что произошло на складе, настроение у офицеров резко изменилось.

Особенно всех поразило количество уничтоженных диверсантов.

— И всё это вдвоём? — несколько раз переспросил полковник.

Когда же выяснилось, что Николай и Иван родные братья, офицеры окончательно расположились к ним. Их хлопали по плечам, угощали махоркой и обещали представить к наградам.

Полковник долго рассматривал их запylённые гимнастёрки, измазанные маслом руки и усталые лица, потом сказал:

— Обратнo повезёте раненых в Сталинград. Там уже решат, куда вас дальше направить. Сейчас каждая машина на вес золота. Вовремя вы у нас появились... да ещё и ребята боевые.

Иван немного помолчал, потом спросил:

— Товарищ полковник... а можно нам один немецкий пулемёт оставить? Мало ли что в дороге случится.

Полковник усмехнулся:

— Конечно можно. Ваш трофей. Забирайте оба пулемёта и патроны к ним тоже берите.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.